

— У меня бы давно уже всё было ясно, если бы что-то происходило. Я не из тех, кто что-то скрывает, — Хань Чжоу сидел на пластиковом стуле, который ему принёс владелец Юй, держа в руках бумажный стаканчик, тепло от которого разливалось по всему телу.

Возможно, его напугал вчерашний взгляд наставника Суня, полный двусмысленности, и теперь, говоря о чувствах, он невольно вспомнил того архитектора. На прощание на парковке он сказал, что будет поддерживать связь, но в душе надеялся, что этого не произойдёт.

— Конечно, конечно, — улыбнулся владелец Юй, сидя за стойкой. В возрасте Хань Чжоу вопросы о личной жизни были вполне обычными. Он просто не знал, о чём ещё говорить, и потому задал этот стандартный вопрос. Увидев, что собеседник не хочет развивать тему, он решил не настаивать. — Просто, если что-то случится, дай мне знать.

— Обязательно! — Хань Чжоу сделал глоток горячей воды и спросил:

— Я видел, что на твоей двери висит объявление о продаже бизнеса. Нашёл что-то более прибыльное?

— Надеюсь, что так и будет, — владелец Юй горько улыбнулся. — Твой арендодатель не говорил о повышении арендной платы?

— Нет, — Хань Чжоу, увидев утром объявление, сразу понял, что дело в аренде. Этот магазин открылся раньше его студии, продавая уникальные художественные изделия. Дела шли неплохо, но прибыль в таких магазинах всегда невелика, а цены на недвижимость росли с каждым годом, и маленький магазин не мог выдержать такого давления.

Он сказал:

— Я арендовал это помещение в мае, и обычно посредники приходят в феврале или марте, чтобы обсудить продление аренды.

— Ах, да, я вспомнил, ты переехал сюда почти перед летними каникулами, — владелец Юй опустил голову и сделал глоток горячей воды, коротко вздохнув. — Когда ты переехал, моя дочь только поступила в университет, а теперь у неё уже ребёнок, который ползает. Время летит так быстро.

Поговорив ещё немного, Хань Чжоу ушёл, когда в магазин зашёл покупатель. Этот район был центром Южного района города, и, пройдя вдоль улицы через светофор, можно было добраться до Академии искусств. По обеим сторонам улицы располагались различные магазины, а студенты прогуливались, держась за руки.

Хань Чжоу, погружённый в свои мысли, достал сигарету и, зажав её между пальцами, пошёл по тротуару, не имея конкретной цели.

Он вспомнил, как только открыл свою студию, когда в школе было много таких же амбициозных молодых людей, развевавших флаги своей мечты на старых зданиях. Конечно, открыть студию мог каждый, но выжить в этом деле было куда сложнее.

В этом городе каждый год десятки студий, как зёрнышки кунжута, открывались и закрывались.

Позже крупные студии начали переезжать в пригород, где аренда была дешевле, а пространство — больше. Некоторые советовали Хань Чжоу сделать то же самое, говоря, что это место не для долгого пребывания, и что только с большей площадью можно привлечь больше

студентов и создать настоящую школу. Но он не послушал.

Прошло несколько лет, и Хань Чжоу стал известен, зарабатывая немало, но расходы тоже были значительными. Арендная плата продолжала расти, и он не знал, насколько она ещё поднимется, что вызывало у него тревогу.

Пройдя немного, он оказался у заднего входа Академии искусств, рядом с университетским музеем. Это была его альма-матер, и он хорошо знал это место. Он помогал своему брату организовать выставку здесь, а после открытия студии иногда приходил с учителями или студентами посмотреть экспозиции.

Сегодня выставка была посвящена архитектурным эскизам первой половины XX века. Хань Чжоу убрал незажжённую сигарету в пачку и начал осматривать экспонаты. Эскизы пожелтели, но в целом сохранились хорошо, хотя некоторые углы и линии были слегка повреждены и размыты.

Среди его знакомых были дельцы в сфере недвижимости, а также такие, как Сунь Боя, которые занимались перепродажей, но настоящих архитекторов он знал мало. Единственным, кого он недавно встретил, был Цзинь Шуань. Поэтому он мало разбирался в этой области, понимая, что эскизы выполнены мастерски, но не мог объяснить, в чём именно их ценность. Ему просто нравилось, как чёткие линии пересекались и накладывались друг на друга, создавая приятное впечатление.

Продолжая осмотр, он заметил, что несколько зданий, изображённых на эскизах, до сих пор существуют, и он даже видел два из них. Однако большинство шедевров были поглощены песками времени.

Рядом с эскизами стоял стенд с информацией о дизайнере:

«Архитектор Цзинь Шу, родился в 1915 году, учился в Корнелле и Лондонском университете, получил степень бакалавра и магистра архитектуры. После возвращения на родину участвовал в проектах XX и XXX, преподавал на архитектурном факультете Университета Бэйдун. Его семья щедро жертвовала на нужды страны во время войны. После победы над фашизмом в 1945 году ситуация в стране снова стала нестабильной, и семья Цзинь переехала в Великобританию в конце того же года. В следующем году Цзинь Шу основал архитектурное бюро «Минсян». Четыре года спустя он был обвинён в «сексуальном извращении и непристойном поведении (гомосексуализм)» и скончался в местной психиатрической больнице в конце 1950 года».

«Пережил войну, но не смог пережить человеческих предрассудков». Короткая биография вызвала у Хань Чжоу чувство холода. Он снова взглянул на пожелтевшие от времени эскизы, и в его сердце зародилась новая горечь. Он больше не мог смотреть на них.

Неизвестно, подхватил ли он простуду от студентов или просто переутомился, но, вернувшись из музея, Хань Чжоу почувствовал себя плохо. Он отказался от всех приглашений на вечеринки, и, услышав его заложенный нос, никто не стал настаивать. Поэтому последние несколько дней он провёл в студии с утра до вечера.

Занятия в студии были организованы следующим образом: утром, когда свет был лучше, проходили занятия по цвету, днем — по рисунку, вечером — по наброскам, а в выходные добавлялись занятия по дизайну. Каждый предмет вёл отдельный преподаватель: тот, кто преподавал цвет, занимался только цветом, а преподаватель рисунка — только рисунком. Все педагоги были профессионалами в своей области, и, хотя контракты были долгосрочными,

зарплата и условия после испытательного срока были действительно хорошими.

Например, в их столовой подавали три раза в день, стандартное меню из трёх мясных блюд и одного овощного, вкусно и разнообразно. Многие учителя предпочитали проделывать лишний путь, чтобы поесть здесь.

В обеденный перерыв учитель рисунка Лу Е заглянул в офис Хань Чжоу и, увидев его, лежащего на диване с видом больного, не удержался от шутки:

— Что, Чжоу, не обедаешь? Тебя бросили, что ты такой грустный?

— Я же болею! — поднял голову Хань Чжоу. — Эй, я замечаю, что у вас всех совсем нет сочувствия. Вы что, решили, что можете издеваться над начальником и остаться на работе?

— Кто бы посмел издеваться над тобой, — Лу Е вошёл и, прислонившись к батарее, улыбнулся. — Я просто увидел, что ты перестал гулять и заболел, и подумал, что ты расстался с кем-то, поэтому пришёл утешить. А ты не ценишь.

— Я не гуляю, потому что болею, — Хань Чжоу натянул на себя плед. — Ты правда заботишься обо мне?

— Правда! — твёрдо ответил Лу Е.

— Тогда хорошо! — Хань Чжоу пошевелился, достал кошелек из кармана куртки и протянул три купюры:

— Сходи в ресторан «Байхуэй» напротив и купи мне суп с морепродуктами.

— ... — Лу Е почувствовал, что его обманули, но смирился и взял деньги. — Два супа с морепродуктами. Что ещё?

Хань Чжоу посмотрел на него без эмоций:

— Заказывай, что хочешь, только что-нибудь лёгкое.

— Окей, сдача останется мне.

— Какая сдача... — Хань Чжоу с трудом закрыл глаза, в этот момент окончательно разочаровавшись в учителе Лу.

Лежа на диване, Хань Чжоу чувствовал, что у него болит голова, и он ощущал себя неудачником. Среди его подчинённых не было ни одного, кто бы уважал старших и заботился о младших. На ресепшене сидела девушка с лёгкой формой слабоумия, учитель Сяо Ван был не слишком красноречив, но имел массу недостатков, Линьлинь была одержима фантазиями, а Лу Е был болтлив и хитроват...

Примерно через полчаса Лу Е вернулся с пакетами еды. Хань Чжоу часто заказывал еду для сотрудников и был хорошо знаком с несколькими местными ресторанами, поэтому обычно заказывал еду прямо в их посуде, а потом возвращал её.

Лу Е поставил пакеты на стол и едва успел сесть, как в комнату ворвалась учительница Линьлинь, с энтузиазмом села рядом с Хань Чжоу и сказала:

— Мне нужна вся информация о том красавце за три минуты!

— Красавец — это я? Не, я не встречаюсь, — слабо махнул рукой Хань Чжоу, равнодушно глядя, как Лу Е кладёт сдачу в 28 юаней на его стол и прижимает её стаканом.

— Хватит уже, я давно насмотрелась на твоё лицо! — Линьлинь услужливо поставила перед Хань Чжоу миску с супом и протянула палочки. — Я собиралась вернуться в школу после работы, проходила мимо ресторана «Байхуэй» и увидела там парня с идеальной фигурой и невероятно элегантной аурой. Он разговаривал с Лу Е, и, узнав, что ты болен, сразу захотел навестить тебя. Боже, вы что, встречаетесь?

<http://bllate.org/book/15564/1415481>